

АЛЕКСАНДР ПОЛОВЕЦ

**ТРИ ИПОСТАСИ АЛЕКСАНДРА ГРИЧА,
или
НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...**

ВСТУПЛЕНИЕ

Почему он так редко говорит о литературе?... – спрашиваю я. – Но ведь правда – почему Александр Грич за многие годы, что мы провели с ним под одной крышей в редакции «Панорамы», никогда и ни разу не назвал себя поэтом или просто литератором?

Так, произносил он иногда общие слова о своей доиммиграционной службе, из которых следовало, что работал он на телевидении, в газетах. Иногда вспоминал между прочим и о том, что он – автор ряда сценариев к телефильмам и их продюсер, о том, что был членом Союза писателей и Союза журналистов СССР, печатался в журналах «Юность», «Дружба народов», «Литературное обозрение», в «Литературной газете», в «Комсомольской правде». И что во многих столичных издательствах выходили его книги... И значит – профессиональный литератор. Но эта тема, повторю, была у него как-то всегда на дальнем плане.

Саша всегда работал, и работал много. Но сегодня, рассказывая о нем, уместно, показалось мне, позаимствовать заголовок «Не хлебом единым» у Дудинцева, так назвавшего свой роман, наделавший в своё время немало шума в кругах советской интеллигенции. Хотя, собственно, советской по-настоящему она никогда и не была: подсоветская – да, и только 90-е годы ушедшего века вернули ей основания и право называться – российской, это после семи десятков лет, пытавшихся отобрать у нее не только голос, но и неисчислимые жизни.

Значит, всё же российская – да, конечно! – при том, что национальность и вероисповедование у тех, кто может быть к ней отнесен, рознятся. И это, как ни к кому, относится к Александру Гричу, рожденному в Азербайджане и хорошо знающему азербайджанскую культуру – еврею по отцу и русскому по матери, говорящему, пишущему и думающему по-русски. Сегодня я прошу Сашу рассказать о том, что не попало в его книги, с которыми я знаком, и не стало темой наших с ним разговоров.

Ну а почему, всё же «не хлебом единым»? Да потому, что он, при всех своих ипостасях, при всех должностях, какие ему приходилось занимать, и при всех видах работы, которую ему досталось выполнять, порой далекой от творческой – до иммиграции и после – он продолжал писать. А однажды случилось, вспоминаем мы сегодня, и такое: его пригласили делать фильм о тогдашнем президенте Азербайджана. И ведь, наверное, не случайно – именно его?

НА ПОРОГЕ

– Саша, – спрашиваю, когда мы наконец собрались записать одну из наших бесед «по душам» на диктофон, – если бы не «Панорама», как могла бы сложиться ваша судьба в Штатах?

Я стараюсь не перебивать его рассказ:

– Приехали мы в Штаты в 92-м году, и как-то раз один из моих новых знакомых предложил: «Хочешь, я тебя познакомлю с Половцем?». О «Панораме» я знал ещё в Баку, слышал о ней, как об издании достойном и популярном, только и в мыслях не было, что я действительно буду когда-нибудь в ней работать. Говорят, висит где-то такой колокол, в который, согласно легенде, можно позвонить, чтобы исполнилось загаданное желание. И рядом – объявленьце: «Трижды подумай, прежде чем загадать желание, потому что оно может исполниться»... Не было у меня случая позвонить в этот колокол, но, что касается «Панорамы», у меня действительно произошла реализация того, о чем я мог думать прежде как о невыполнимом.

И вот после нашего знакомства я оказался на месте помощника главного редактора, о чем, честно говоря, тогда, в Баку, и мечтать не мог. Друзья помогли... Мои друзья вообще сыграли и играют поныне в моей жизни большую роль, – с этого Саша начал свой рассказ...

А ДО ТОГО...

– Вернемся чуть позже к разговору о моих друзьях, без которых меня сегодняшнего просто не было бы... Начнем традиционно – конечно, родители, семья наша – это они, прежде всего и в первую очередь, определили мой жизненный путь. Я бы ими так же гордился, если бы они и не занимали высоких должностей, и если не имели бы высоких наград...

Отец – военный врач, видный организатор медицинской службы в Закавказье – во время войны командовал всеми госпиталями в Азербайджане и в Дагестане... И представьте себе: его не стало в 59 лет, в два дня: врачи в Питере прозевали перитонит после операции – беда... А мама была начальником главка в Министерстве нефтепереработки и нефтехимии. Не забудем, что в войну каждый 2-й советский самолет, танк, самоходка шли в бой на азербайджанском горючем. Мама работала в те годы почти круглосуточно, включая и ночные вахты, она весила тогда всего 42 килограмма...

Баку немцы не бомбили: Гитлер его берег для себя – так, один-два раза пролетали самолеты-разведчики. Я же появился на свет тогда, когда стало ясно, что приближается победа...

Еще о себе? Моя первая жена Инна умерла совсем молодой, была она журналистка незаурядная, наш с ней сын Роман живет в Израиле, он видный политолог, телеведущий, я им горжусь! У него замечательная жена Ариша, красавица дочь Алиска, а родилась еще одна дочь, и ей дали по наследству имя Инна... Род наш продолжается. Вторая моя жена, Людмила, – филолог, она работала вместе со мной в Союзе писателей Азербайджана, в Литературном фонде. Она – способный администратор, ведь Литфонд был крупной организацией, имевшей всё – от писательской поликлиники до права давать бесплатные творческие командировки в любой конец Союза. Люда писала прозу, которую переводили на азербайджанский и армянский языки... И вот в какой-то момент мы всё бросили и оказались в Америке. С двумя детьми: сыном Яковом и дочкой Лалой – она теперь отличный психотерапевт, от больных, желающих у нее лечиться, отбоя нет. У нее хорошая семья – муж Юра, успешный юрист, и чудная наша здешняя внучка Надия. Младший наш сын Яков – или Джек по-американски, превосходный специалист в компьютерном деле, выработался в хорошего менеджера в американской компании. Ему уже за 30.

ПОЧЕМУ – БАЙРОН, ХЛЕБНИКОВ И ДР...

– В прочитанных мною ваших заметках-воспоминаниях, – продолжаю я, – юный Саша Грич покупает только что вышедший сборничек Хлебникова. Не популярного тогда Симонова, например, или Долматовского. И там же, в заметках, написано, что Саша с 14 лет переводил на русский Байрона, не правда ли, хороший вопрос – почему?...

– У Симонова, безусловно, есть своё место в русской поэзии, какие-то его стихи я помню. Но не более того. Долматовский? Это не для меня. А насчет переводов – у меня была замечательная учительница английского языка Бронислава Борисовна Янкевич. Ее муж служил в свое время управляющим нефтяными промыслами, а сама она была такая благообразная седая женщина с голубыми глазами, а на полу в ее квартире лежала шкура барса с оскаленной клыкастой пастью и стеклянными глазами... – до сих пор помню.

Жила она тогда, после уплотнения, уединённо, в одной комнате – там не было случайных вещей, каждая была если не антикварная, то что-то вроде того. Мои родители отдали меня учить английский к Брониславе Борисовне – у неё был прекрасный язык, британский, конечно, не американский, и она пыталась меня ему научить, – а я не хотел заниматься! Бронислава Борисовна мне говорила: «Саша, я в отчаянии: деньги твоих родителей жгут мне руки, я не могу их принимать – ты же ничего не делаешь!».

– Совсем как у меня в рассказе об Анне Семеновне! – поразился я, перебивая его.

– Ну да! – улыбается Саша, – видимо, уже тогда я не очень любил обязательку. И вот вдруг... У Брониславы Борисовны была старинная книга – сборник поэзии, и она предложила мне: – Хочешь почитать её? Вот, выучи какой-то кусочек из стихов. А перевести его с английского на русский сможешь? – и я перевел. И потом – ещё и ещё... Сначала всё было у нас в учебных целях, но это оказалось таким замечательным занятием, когда сначала учишь стихи на английском языке, потом их переводишь. Постепенно это стало стимулом к переводам английской поэзии на русский... В итоге в газете «Молодежь Азербайджана» взяли мои переводы с английского... А переводы были такие: «В горах мое сердце» Бернса и «Вечер» Шелли...И меня напечатали! Тогда я учился в 9-м классе.

(Мы помолчали.)

– А когда пришли свои стихи?

Улыбаясь, Саша вспоминает:

– У нас была большая, по советским понятиям, квартира. Там собирались друзья старшего брата Вячеслава. Он был блистательным химиком, в 30 лет защитил докторскую, в США работал директором компании в Силиконовой долине. Там, в Сан-Матео, и сейчас живут его жена Ира и сын Сергей. Славы, к несчастью, уже нет в живых... А тогда, в молодости, у него в комнате было шумно. Пели, читали стихи, а я, лёжа за перегородкой, их слушал. Так я выучил стихи Гумилева: «*Послушай... да-лёко, на озере Чад\ Изысканный бродит жираф...*» и ещё многое.

Наверное, это был первый толчок... И о песнях – отдельно. Когда я был совсем маленьким, по утрам, каждое воскресенье, мы с мамой долгу пели песни. У меня ни голоса, ни слуха особого... Но с тех пор чуть не все советские песни, начиная от песен гражданской войны, я знаю наизусть. До сих пор, когда мы начинаем петь в хорошей застольной компании, на меня смотрят, как на ненормального: ну, можно знать один куплет, можно знать строчку-другую, но всю песню «*Мы красная кавалерия и*

про нас..»...

И тут Саша действительно напеваёт один куплет за другим! Я подхватываю тему: *«Взвейтесь кострами, синие ночи!..»*. Мы оба смеемся – ну, действительно, зачем всё это помнить до последней строчки? Так ведь память сама хранит, ничего не сделаешь...

– Ну хорошо, а почему всё же Хлебников, а не Симонов или Долматовский, например? – возвращается Саша к моему вопросу. – Для меня разница всегда была очевидной. Помню, через годы меня послали брать интервью у Евгения Винокурова от газеты, название которой вызывало, да и сейчас вызывает однозначную реакцию – и по ту сторону границы, и по эту – газета называлась «Вышка», орган ЦК компартии Азербайджана. Но ассоциировалось у советских людей это название в большей степени не с нефтяной вышкой, а с высшей мерой наказания, иначе говоря – с расстрелом. Сильны, сильны в нашей жизни криминальные ассоциации. Обратите внимание, кстати, что и в нашей иммиграции не принято говорить «садитесь» – всегда говорят «присаживайтесь», люди воспринимают сей глагол однозначно. И это тоже – память.

Так вот, Евгений Винокуров, когда я на одной писательской встрече к нему пошел, пытался уклониться от беседы: – «Ну что вы со мной будете разговаривать, вот там Доризо стоит, интервьюируйте его!» Неохота было замечательному поэту общаться с газетчиком... Но для меня разница между Винокуровым и Доризо была абсолютно ясна. И не просите для читателей подробностей – какая разница и почему. Кто понимает, что я имею в виду, тот поймет, а кто не понимает – благополучно проживет и без этого. Справедливости ради отмечу: Доризо написал замечательные песни, которые пережили его и, наверное, всех нас переживут.

Но Доризо – одна ипостась, а Винокуров – другая, Хлебников – третья. А Долматовский из абсолютно иной «весовой категории», если уж выражаться по-спортивному.

С Винокуровым тогда мне всё же удалось поговорить, и я этому рад – больше нам встретиться не довелось. А Хлебников... Тогда в Малой библиотеке поэта вышла его книжечка. Я ее как сейчас вижу: бежевого цвета, шершавый переплет, и я знал, что должен её купить.

– Сможете и Хлебникова процитировать? – не успокаиваюсь я.

– Пожалуйста: *«О, рассмейтесь, смехачи!/О, засмейтесь, смехачи!.. /Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно, /О, засмейтесь усмеяльно!»*

Меня в моём сегодняшнем собеседнике не первый год поражает: какое ни начни читать стихотворение, порой самого малоизвестного поэта, или, к слову, произнесешь строчку из старинного романа, – он тут же, не задумываясь, продолжит текст дословно, совершенно точно воспроизводя мелодию.

– Хлебникова ведь тогда только-только начали издавать... – продолжает Саша. – А того же Гумилева вовсе не издавали...Тогда всё было построено на противоборстве: разрешено-запрещено. И то, что было запрещено, привлекало вдвойне. Те, кто запрещал, обладали отменным вкусом: дерьмо не запрещали никогда.

И Саша снова цитирует Гумилева: *«Старый бродяга в Аддис-Абебе, покоровивший многие племена, прислал ко мне черного копыеносца с приветом, составленным из моих стихов...»* – и размышляет:

– Вся настоящая литература в шестидесятые годы строилась на противостоянии официальной и новой поэзии и прозы. Помните, молодые поэты-шестидесятники собирали стадионы – никогда в России не было такого... – и, помолчав, добавляет, – и никогда, наверное, уже не будет... Повторяю, – вся литература, которую мы чи-

тали, была основана на противостоянии двух противоборствующих лагерей: «Нового мира» – в нём были Твардовский и Локшин, с одной стороны, и «Октября» с Кочетовым – с другой; «Юности», которую начинал Катаев и продолжал Полевой, с одной стороны, и «Молодой гвардии» – с другой.

Вот и было всё на этом построено, и когда ты что-то писал и сдавал в печать, ты уже думал – а что тебе скажет Главлит (*управление по охране государственных тайн в печати, цензура, проща говоря*), что тебе скажет редактор. И что как-то надо будет защищать написанное, и как это сделать. Словом, в каждом пишущем жил внутренний редактор, который заставлял быть не только оглячивым, но и требовательным к себе. Последнее особенно важно. Сейчас я думаю, что когда эта требовательность к себе исчезла, стала обесцениваться и литература, и нивелироваться та роль, которую она играла в нашей жизни.

– Думаете, этот процесс неостановим?

Я догадывался, что ответит Саша – и не ошибся:

– Думаю, что те времена ушли безвозвратно, потому что, во-первых, ту ситуацию никогда не вернуть, а, во-вторых, непонятно, что будет с печатным словом вообще: я уже сейчас вынужден читать книги в электронном виде, хотя люблю, чтобы книга была книгой, а не «листать» её электронные страницы.

– Но ведь это многократно расширяет доступ к книге, так что, наверное, не обязательно жалеть, что проходит век бумажных изданий, – замечаю я, лукавя, потому что на самом деле и сам жалею не меньше моего собеседника о вроде бы проходящей эпохе книгопечатания... – Хотя, ведь с другой стороны, не будем забывать, – добавляю я вслух, – прочитанное изначально влияет на мозги, на восприятие жизни и, соответственно, на поведение человека... А сейчас в интернете столько мусора, и не всегда безобидного!..

НО И ВСЁ ЖЕ – ПОЧЕМУ СТИХИ?

Словом, склонности мои к тому времени определились, – продолжает Грич. – У мамы был замечательный вкус, она пыталась и мне передать своё отношение к хорошей литературе. И всё же родители очень мягко, но и настойчиво мне говорили: «Ты уж как-то решайся – поэзия такое дело: хочешь писать стихи, так ты будешь их писать, а нужно иметь профессию в жизни, самому стоять на ногах».

И я пошел по материнским стопам: поступил на химико-технологический факультет нынешней Азербайджанской нефтяной академии – тогда это был очень хороший Институт нефтехимии.

И там я учился так: когда стипендию давали с тройками – на тройки, когда с четверками – на четверки, а когда стали давать только с пятерками – на пятерки. А попутно чего только не делал! И везде мне везло. Писал стихи – и меня печатали. Занимался спортом – стал чемпионом республики по академической гребле. Занимался КВН – и в нем наша команда выступала успешно, тогда бакинцы стали чемпионами Союза. Мы с замечательными братьями Виталием и Савелием Колмановскими составляли сценарную группу. Там родилась наша дружба – на долгие десятилетия. Печально, что не стало Виталия, Вики, как мы его называли... Он был эрудит, знал семь, кажется, языков. Жил в Силиконовой долине. Теперь дружим с его дочерью Машей. А блистательный остроумец и добрейший человек Савелий с женой Эммой живут в Москве. Их дочь Лена – одна из основателей знаменитого «Яндекса». В той команде КВН играл и мой давний товарищ Эмин Алиев, талантливый физик, лауреат Госпремии (увы, и его уже нет с нами), да и вообще много у нас было замечательных

ребят. Но в какой-то момент из команды я ушел, рассудив, что заниматься КВН до седых волос не стоит. Как выражаются американцы, «не моя чашка чая» – «not my cup of tea».

Ну, а потом, после института – работа во ВНИИОлефин, и еще потом – после того, как я стал регулярно печататься, работая на судоремонтном заводе, и печатался под своей фамилией, мне дали понять, что надо или заниматься тем, чем я занимаюсь на службе, и «отдавать этому все силы и время», или, как они выражались, «писать стихи». Стихи я не собирался бросать ни под каким предлогом, но теперь печатался уже под псевдонимом. Так появился Александр Грич.

Борис Абрамович Слуцкий, чье доброе отношение к моим стихам помогло мне безмерно на первых порах в литературе, был этим псевдонимом недоволен: «Вы бы взяли себе что-нибудь рыбное... Или птичье». Имелись в виду псевдонимы – Сомов, скажем, или Скворцов. Но я хотел, чтобы псевдоним был сродни фамилии, хоть и отличался от нее, – это всё Саша вспоминает, отвечая на мой вопрос: почему на его книгах имя автора обозначено – «Александр Грич».

– Упомянутая «Вышка» мне дала многое, – продолжает он, – но и газета к поэзии имеет отношение... далекое, скажем так. Поэтому, когда меня пригласили в Союз писателей, я с радостью перешел в журнал «Литературный Азербайджан», где благополучно последующие 17 лет и отработал – до самого отъезда в Америку... И для Союза писателей никакого Гуревича не существует. А вот Александра Грича, к моей радости, там помнят.

А ещё, помимо журнала, у меня была телепередача – ее делала главная теле-редакция «Дружба». Существовала эта передача, которую мы вели вместе с видным литератором и моим товарищем Интигамом Гасымзаде, больше 12 лет, она пользовалась популярностью: в моей жизни был такой период, когда все, от дворника до руководящих чиновников, меня узнавали в лицо и по голосу, иногда это было даже приятно, – улыбается Саша. – И в гостях у нас были литераторы, имена которых не нуждаются в комментариях: Андрей Битов, Давид Самойлов, Владимир Британишский, Сергей Баруздин, Олжас Сулейменов, азербайджанские писатели, которым сейчас ставят памятники, как классикам, – Саша перечисляет имена, не берусь все их здесь привести. – А творчество Анара, Фикрета Годжа, Максуда Ибрагимбекова, Чингиза Абдуллаева – известно далеко за пределами Азербайджана.

ВСЁ ЖЕ – КНИГИ...

– Ну, вот, вы в Америке – что дальше? – спрашиваю это я, конечно же, помня, что Саша и Людмила успели со мной поработать не один год – успешность «Панорамы» во многом зависела и определялась четкой работой отдела распространения популярного еженедельника – таким он стал в большой степени и их трудами. Это тогда сократилось многократно число звонков с вопросом «Где моя «Панорама», уже среда (четверг... пятница...), а почтовый ящик пуст!», а в десятках киосков и магазинов на прилавках появилась наша газета.

Но пришло время, и к заботам Гричей прибавился книжный магазин «Ковчег» – чуть ли не единственный тогда, предлагавший русские книги. До них магазин назывался «Терек» и работал так: продавались подержанные советские книги (их приносили на продажу новые иммигранты), были и некоторые зарубежные издания русских книг и газет – от «Посева» и «Граней» до соседствовавших с ними рыбных консервов из России, пельменей из Сан-Франциско и духов «Красная Москва». Теперь же своё место там заняли современные издания из метрополии, что (поначалу)

в те годы было совсем не просто... Но «Ковчег» стал отличным книжным магазином и пережил добрых три десятка таких бизнесов, возникавших и исчезающих за последние 20 лет. Он и сейчас существует, но уже с другими хозяевами – жизнь не останавливается...

– Так ведь и вы в какой-то степени были сопричастны к организации «Ковчега», – напоминает мне Саша, – вы не возражали, чтобы я, работая в «Панораме», помогал «Ковчегу» – но, главным образом, хозяйничала там Люда. И заметьте – за все годы, что у Люды был магазин, мы не скопировали и не продали ни одной видео- или аудиокассеты. Пиратством не занимались. Мы продавали книги, и к нам шли за книгами, а не брать фильмы напрокат...

Теперь, спустя годы, я уже не спрашиваю Александра, почему именно книжный магазин стал его детищем, а не что-нибудь по-настоящему денежное.

– Книги – это наше, – вот и всё, – отвечает он без раздумий. – Как это ни забавно звучит, эта сторона была решающей. Вряд ли у нас с Людой мог быть успешный гастроном... Разумеется, «Ковчег» был предприятием небольшим, но прибыльным. Однако пришла пора и с ним расстаться. Впрочем, книгами занималась главным образом Люда.

– А вы?

– Давайте забежим на годы вперед, – говорит Грич. – Несколько лет назад меня пригласили на съезд писателей Азербайджана – отмечалось 80-летие писательской организации, и поездка эта получилась совершенно замечательной. Там были представители из 30 стран мира. На постсоветском пространстве такого литературного форума не организовывал ещё никто. Уникальный факт – Союзом писателей уже больше 30 лет руководит Анар. Сами подумайте, сколько стран, секретарей и президентов перестали существовать за эти годы. А Анар, прекрасный прозаик, – по-прежнему руководит такой сложной организацией, как писательская... Они работают в тандеме со знакомым вам Фикретом Годжа – народным поэтом, первым секретарем Союза.

* * *

... Из недавно вышедшей книги Александра Грича:

«Однажды, много лет назад, мы попали с Фикретом в автомобильную аварию, – этот день непросто вспоминать даже сегодня. По узкой улице нёсся самосвал. Надо представлять себе абшеронские стародавние поселки, их разнобой дувалов и домишек, их улочки с неожиданными поворотами, где и двадцать километров в час – большая скорость.

А этот самосвал нёсся на все пятьдесят-шестьдесят. И «для безопасности» непрерывно гудел. На переднем сидении в нашей машине рядом со мной был Фикрет, на заднем – наши жены и маленький сын Яшка, было ему года четыре. Это мы с Людой и Яшкой приехали в гости к Фикрету на дачу и решили поехать на море. Вот и поехали...

Я потихоньку выезжал на перекресток, дом на углу закрывал обзор, гудка самосвала я не услышал. Удар был очень сильный. Нас спасло то, что отброшенная самосвалом машина ударилась задом в ворота школы, а они были заперты, но замок оказался хлипкий. А потому – ворота распахнулись, спружинили и как бы погасили удар. Благодарение небу, никто из нас сильно не пострадал. Ушибы, ссадины – и только.

Поистине судьба нас всех хранила, потому что на то, что осталось от автомо-

бия, смотреть было страшно. Мы были совершенно ошарашены. Помню, на улицу выскочили люди, стали спрашивать, нужна ли помощь, потащили нас всех к себе в дом, за праздничный стол. И вот за столом Фикрету стало плохо. Но – удивительное дело – он и в этом состоянии как будто больше всего заботился о том, чтобы не привлекать к себе внимания.

Через несколько дней я зашел к нему. Фикрет был непривычно мрачен. «Да нет, – отмахнулся он на мои вопросы, – все в порядке». – И спросил таинственно: «Ты знаешь, что такое «чылтак»?» – Я не знал. – «Короче говоря, – продолжал Фикрет, – мы должны проделать тот же маршрут, что мы так неудачно завершили в воскресенье, но теперь уже завершить его успешно, благополучно, с удовольствием. Чтобы в душе не оставалось страха и обиды. Таким образом мы с этим делом и с неприятными воспоминаниями о нем покончим раз и навсегда. Как ты думаешь?»

Не помню, что я ответил, но слово «чылтак» с тех пор запомнил, и бывало, когда случались неудачи, думал – надо «сделать чылтак». И делал... И помогал».

* * *

– А до той конференции, – возвращается Саша к рассказу о писательском съезде, – я снимал в Баку фильм о Гейдаре Алиеве. Я прямо из «Панорамы» ушел в этот проект – у меня была интересная работа: много поездил, занимался тем, чем люблю заниматься и что умею делать. Человек Алиев был совершенно незаурядный – среди советских руководителей того времени ему не было равных. Он был интеллигентом в первом поколении, то, что американцы называют self-made man, и масштаб его личности был очень значителен.

Приходилось читать у политологов, что когда он был первым заместителем предсовмина СССР, ему прочили быть премьером... И сделал он для своей страны очень многое. Не думайте, что я идеализирую его – среди моих друзей есть и те, кто относится к нему очень сдержанно. Я же всегда считал и теперь считаю его деяте-

лем выдающимся и работать с ним было интересно. Не вижу, чья еще фигура из руководителей того поколения с ним сопоставима.

Помню, ехали мы из Москвы со съемочной группой в аэропорт. Дело было в ельцинский период. Студийная машина в последний момент испортилась, еле разместились в стареньком «Москвиче». В дороге остановил ГАИшник: «Кто такие, куда едете? Почему машина перегружена?» «Мы опаздываем, капитан, – ничего лучшего в голову не пришло, и я сказал правду. – Мы – съемочная группа. Летим в Баку, снимаем фильм об Алиеве». Реакция была неожиданной.

«Достойный мужик, – вдруг сказал капитан. – Не то, что наш... Поезжайте!»

В одном из интервью я спросил героя фильма: с кем можно сравнить вашу карьеру – с Шеварнадзе, например, можно? Он ответил: «Не забывайте, что после распада Союза Шеварнадзе вернулся в Грузию на русских штыках, а меня позвал народ!» И это правда, так оно и было. В трудный переходный период Народный фронт не сумел обеспечить стране стабильность – то, что сумел сделать Алиев. При нем прекратились военные действия и перестала литься кровь. Благодаря ему страна развивается, как цивилизованное светское государство.

Веротерпимость тут – не слова, а дела. Крепкие деловые и культурные отношения связывают Азербайджан с Израилем. В Израиле есть, в частности, отделение СП Азербайджана. В Баку много лет работает Славянский университет. Университет, а не факультет, заметьте!

Издание писательских журналов, в том числе и русскоязычного «Литературного Азербайджана», где я работал, сейчас финансируется государством. И вообще Баку – прекрасный город, ходи и любуйся, перемены огромные.

– А не было ли недовольства у местных кинематографистов: вот, мол, пригласили снимать фильм именно вас, из эмиграции – в Баку ведь, наверное, и своих желающих было предостаточно?

– Почему же только в Баку? Об Алиеве и ваш добрый знакомый Андрон Кончаловский снял добротный документальный двухсерийный фильм «Бремя власти». Но он снимал позже, когда Гейдар Алиевич был уже очень болен. Поэтому у него в фильме мало синхронов, прямых бесед. А мне повезло. Там много живого героя на экране – и в беседах, и просто в кадре. Теперь это всё – уже история.

Что же до ревности... Не знаю... может, и была какая-то ревность, и даже наверняка была, но Алиев был не тот человек, которому можно было навязывать решения...

– А он сам вас назвал?

– Нет, думаю, ему предложили, рассказали, кто я такой, хотя, судя по тому, что я от него слышал, он знал и мою предыдущую работу.

...НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

– Одним словом, Саша, и после нашей редакции американская часть вашей биографии была в большой степени связана с печатным словом, не так ли?

– «Панорама», в которую я пришел, была в Лос-Анджелесе первой и единственной авторской газетой, потом появились другие издания, но целиком вторичные – составленные из склеенных отрывков, вырезанных из советских газет, и позже – из интернетных, мягко говоря, «заимствований». Некоторые из них и сейчас как-то выживают. Давным-давно один человек, который сдавал тогда экзамены на доктора, мне сказал: «Замечательно, что ты работаешь в «Панораме», но скажи мне по сек-

рету, сколько у вас подписчиков – миллион есть?» – И ведь он не шутил!

Знал бы он, что в тех, привычных нам, редакциях советских и российских изданий с их миллионными тиражами – работали десятки сотрудников, там были отделы текущей информации, политического фельетона, промышленности, культуры, юмора – там сидели редакторы, и всем им за это платили... Там работали журналисты. Они писали! А тут редакции, в которых, в лучшем случае, сотрудники собирают рекламу. Вот и мой опыт был таким, я ведь в дальнейшем работал в Калифорнии не в одном журнале и не в одной газете, был и соиздателем, и редактором этих изданий, и сполна испил свою чашу...

Так я пришел к выводу, к которому надо было, наверное, прийти раньше: приобрести американскую специальность. Вы знаете, уже много лет я занимался торговлей недвижимостью. Был не чемпионом, но и не аутсайдером. Значительно больше сотни завершенных транзакций. Неплохо, в общем, хотя всегда хотелось большего.

– И значит, «жизнь удалась»? – в шутку, но и всерьез привел я известное выражение, – но ведь не хлебом единым жив человек, не так ли? Вы же продолжаете писать стихи, продолжают выходить ваши книжки...

– Если о стихах, то я только что выпустил книжку «Надейся и верь» – лирика разных лет, упомянутые рубаи, неопубликованные бакинские стихи, немного переводов... Получилось «Избранное». Новых стихов очень мало.

А до того написалась, я бы сказал, странная книга – «Осенняя остановка», которую я имел возможность представить читателям у вас дома, и потом были встречи с читателями в Оранж-каунти, в Силиконовой долине – там вообще был замечательный вечер! Книгу купили по интернету в одиннадцати странах – Англии, Германии, Италии, Алжире, России... Неожиданно и приятно.

И вообще «Осенняя остановка» дорога для меня тем, что возвращает к людям и событиям, многие из которых – уже история. Взять ли классиков азербайджанской литературы старшего поколения – Мирзу Ибрагимова и Расула Рза, теплым отношением которых ко мне я горжусь, или замечательного поэта Мансура Векилова, который многие годы руководил журналом «Литературный Азербайджан» – мы долго и хорошо работали вместе, или Владимира Портнова, блестящего литератора, который учил меня понимать поэзию, или Юсифа Самедоглу – прекрасного прозаика, Интигама Гасымзаде – талантливого и в литературе, и в дружбе... Чудесного поэта Фикрета Годжа вы помните – мы с ним были у вас в гостях, когда он приезжал в Лос-Анджелес. И ещё в этой книге отдельно – об моём «ЛА» той поры. Не о Лос-Анджелесе, а о «Литературном Азербайджане». Этот журнал уже давно возглавляет дочь Мирзы Ибрагимова – Солмаз-ханым, и мне приятно, что издание читают и знают не только в Азербайджане.

...Среди откликов на мои «заметки о писателях», – рассказывает Александр, – были и такие голоса: «Какие-то герои твоих заметок нереальные... Все у тебя хорошие, правильные, сильные, талантливые – ну просто идеальные! Странно как-то...» А что странного-то, уважаемые господа? – отвечал им. – Я пишу о людях, которых люблю и которых знал многие годы. Иных уж нет... другие, к счастью, живы. Никто из них не идеален, понятно. А пишу так, как я их вижу...

Хочу подчеркнуть, что в этой книге – речь не только о писателях. Там «Сага о Криманах» – повесть о семье моего дорогого друга, ученого и бизнесмена, лауреата госпремии России Эльдара Кримана.

*Да будем мы к своим друзьям пристрастны,
Да будем думать, что они прекрасны! –*

...прочитывал Саша почитаемую нами обоими Беллу Ахмадулину и продолжил:

– Конечно, занятие это я не оставляю – пишу постоянно. А вот почему стихи не пишутся, не знаю, – разводит он руками.

– Может, оттого, что «Для поэзии планета наша мало оборудована...» – перефразирую я поэта.

– Да нет, не сравнивая себя с известными всем писателями, просто напомним: Эренбург годами, и даже десятилетиями не писал стихов, но были три периода в его жизни, когда он их писал. И его стихи мне нравятся больше его прозы...

– Но вы же, надеюсь, не считаете, что ваш «Хулио Хуренито» уже написан?

– Да нет, абсолютно так не считаю... писать я продолжаю. Три года назад вышел сборник «Рубаи». Для рубаи я придумал автора – он тоже Хайям, как великий предшественник, но фамилия вполне значимая – Анакойхер. А в последние годы занялся детективными романами. Серия из трех таких романов вышла в Москве, в издательстве «Эксмо». Работаю над продолжением серии... Что из этого получится – посмотрим.

– А в Азербайджане вас переводят? – спросил я, ожидая услышать утвердительный ответ: ведь в его книгах столько об Азербайджане, о людях оттуда...

– Нет... но это отдельная и большая тема: о Советском Союзе много сказано и говорится – о том, что было там плохого, и гораздо реже – о том, что было тогда хорошего. А ведь там была создана блистательная школа переводчиков, поскольку существовал тезис «дружба народов», и первые перья переводили на русский язык того же, например, Расула Рза. Переводили Арсений Тарковский, Павел Антокольский. Борис Пастернак переводил Самеда Вургуня – и это было замечательно! Переводы А.Адалис и М. Алигер – очень хороши.

В те времена Расул Рза, уже тогда классик, написал рецензию на мою книгу, я этим до сих пор горжусь. А народный поэт Фикрет Годжа переводил на азербайджанский мои стихи, публиковал их... Это были будни нашей работы.

Теперь же, когда всё в издательском деле встало на коммерческую основу, школа перевода сильно пострадала. Новые переводы, скажем, с английского, даже в России в первые годы после развала Союза были ужасающи, читать невозможно!

ПОВТОРИТЬ ДОРОГУ?

Здесь мне показалось уместным вспомнить сюжет из рассказа Александра Грича про «чылтак» – о том, что следует повторить дорогу, в которой случилась неудача, но теперь успешно – чтобы ее исправить в памяти, но и чтобы она не повторилась в жизни, и я спросил его:

– А в вашей жизни здесь, в Америке, да и вообще, остается необходимость в таком «чылтаке», да и была ли она – повторить нечто, чтобы исправить что-то в вашей жизни? – спрашивая это, я знал, что в моей жизни такое было... А у Грича?

– Знаете, наверное, я ничего бы не стал переигрывать, хотя точно делал в жизни много глупостей и вообще герой из меня – никакой. Но попытка переделки? Нет. Как бы то ни было – и в плохом, и в хорошем – это был мой путь, мой выбор, как и вся непоследовательность моей жизни. Мой любимый учитель в литературе, великодушный ее знаток, поэт и переводчик Владимир Портнов говорил: «Грич – это лоскутное одеяло! Ну чем ты занимаешься, что ты хочешь сделать? Ты бы сосредоточился на чем-то одном, и, может, толку было бы больше...» И я думаю, что он был прав. А отвечая на вопрос, удалась ли жизнь... Думаю – да! Пусть я и не могу

при этом «упасть лицом в черную икру», а сейчас даже и в красную стало несколько проблематично....

– Но остается еще кабачковая, – поддерживаю я шутку.

– Остается – но ведь ее ещё надо приготовить! И я благодарю небо за ту жизнь, какая она у меня была и есть. За многое из того, чего у других, скажем, нет.

ДРУЗЬЯ

– Вот теперь самое время сказать о друзьях, – Александр очень серьезен. – Это – не поза, не тост, это – моя жизнь. Без этих людей меня сегодня могло бы вообще не быть, во всяком случае, выживать и просто жить – они помогали и помогают. В Москве живет Эльдар Криман, о котором я упоминал. Мы с ним дружим уже шестьдесят восемь лет – и я благодарен судьбе за эту дружбу. И точно столько же лет нашей дружбе с Багатуром Гаибовым – он в прошлом крупный руководитель, теперь с семьей живет в Хьюстоне, мы с Людой летали к нему на юбилей. А они с женой Зулейхой сюрпризом для меня прилетели в Лас-Вегас, куда мы решили когда-то скрыться на мои юбилейные дни. Много ли людей могут похвастать такими друзьями, с которыми вместе чего только не прошли?... В прошлом году Савелий Колмановский пригласил в Москву на своё восьмидесятилетие. Обеспечил замечательную во всех отношениях поездку! Какая радость была увидеть и Саву, и Эмму, и их дочь Леночку в добром здравии, в окружении любящих друзей. Когда встречаемся, – а это иногда через годы, – чувство такое, будто вчера расстались. Теперь дружат наши дети – и я счастлив этим. А еще у Савы на юбилее мы увиделись с воронежским профессором Марком Берколайко – с ним у нас тоже почти семидесятилетний стаж знакомства и дружбы. Немногие могут похвастать таким кругом близких.

В Лос-Анджелесе нам тоже повезло – у нас много добрых знакомых и друзей. Но помимо этого «большого круга» существует и прекрасный «малый круг» наших друзей. В него уже двадцать лет входят Лора и Даник Парижер, Аркадий Стерн, Наташа и Фима Портман, Лариса и Джозеф... Сами знаете, Америка не любит сентиментов. Тем больше надо дорожить близкими, которые рядом... И наши с вами, Саша, отношения – безусловно, в этом ряду.

ЭПИЛОГ

Завершая запись нашей беседы с Александром Гричем, думаю: почему он не часто говорит на литературные темы? Почему многие, знающие его годами, и понятия не имеют о его главной – литературной работе?

Паустовский, кажется, сказал, что встречаются в жизни чрезвычайно редкие люди, без которых литература невозможна, вне зависимости от того, много или мало они написали, – наверное, сегодня подошло время сказать то же и про Александра Грича:

*Вот и прожил полжизни богато,
Ибо помнил: «Молчание – золото»,
По хорошим дорогам ходил.
Пере...– перево...– переводил...*

– горько написал он когда-то про себя. Но он сумел сказать свое слово – и это главное.

И еще: Александр по-человечески надёжен – это его качество довелось мне испытать при тех обстоятельствах и в те дни, когда всё и почти всем было неясно:

где, в какой стороне сокрыты справедливость и истина? А за этим «почти» был он, Саша Грич, и оставался рядом столько, сколько требовалось. Наверное, это тогда наши добрые и ровные товарищеско-служебные отношения получили право называться дружескими.

Мы знакомы с ним вот уже 27 лет, из них – 15 лет дружны по-настоящему, хотя и остаемся в разговоре на «Вы», – я бы сказал, что в нашем случае это есть отражение Высшей степени взаимного уважения, доверия и приязни, да простит мне читатель невольный каламбур...

ОБ АВТОРЕ

Сегодня мы публикуем беседу Александра Половца с Александром Гричем.

Прозаик, издатель, редактор Александр Половец вошел в историю русской Калифорнии прежде всего как создатель в конце 70-х крупнейшего тогда в Соединенных Штатах русскоязычного еженедельника «Панорама».

Сейчас, когда мы живем в открытом мире, трудно себе даже представить роль этой газеты в той ситуации – и для наших соотечественников в США, и для тех, кто приезжал из России.

Вокруг газеты собрался замечательный круг авторов – Б.Окуджавы, В.Аксенова, Е.Евтушенко, С.Довлатова, А. Гладиллина, И.Губермана, А.Битова, Э.Севела, Ю.Семенова – всех не перечислишь...

Помимо газетных публикаций, Александр Половец провел интереснейшие беседы со всеми названными выше писателями и ещё многими выдающимися деятелями культуры.

Эти беседы составили заметную часть книги А.Половца «БП. Между прошлым и будущим», вышедшей в Москве. Завершилась и публикация четырех томов произведений писателя.

Александр Половец ныне – Президент Всеамериканского Культурного Фонда Булата Окуджавы, член международного ПЭН-клуба и Союза Писателей Москвы.